

АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

ARBITRATION PROCEEDINGS

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.9

Дата поступления: 18.01.2021
рецензирования: 25.01.2021
принятия: 22.02.2021**Айдар Р. Султанов**

ПАО «НИЖНЕКАМСКНЕФТЕХИМ», г. Нижнекамск, Российская Федерация

Проблема объяснений сторон в качестве доказательств в арбитражных судах

Аннотация: в статье рассматривается проблема объяснений сторон в качестве доказательств в арбитражных судах. При исследовании использовались общенаучные и частнонаучные методы познания. Автор анализирует данную проблему через призму допустимости лжи в арбитражном процессе. Указанная проблема разрешается как с юридических, так с философских и этических позиций. Неправда – это то, что разрушает доверие – основу общества, в том числе подрывает доверие к суду, который принимает ложь; ложь разрушает и самого человека. Автор небезосновательно считает, что тот, кто полагает допустимой ложь в суде, допускает победу неправды в суде, тем самым способствует превращению лжеца в торжествующего злодея при соучастии суда. Ложь приводит к дисфункции правосудия; допущение лжи в судебном процессе противоречит самим основам правосудия. Вступление в силу судебного решения, основанного на лжи, по одному спору лишь порождает новый спор между теми же сторонами. Автор доказывает, что отрицательное отношение ко лжи характерно как для материального, так и для процессуального права. Делается вывод, что наличие эффективных средств защиты от лжи в процессе соответствует принципу поддержания доверия граждан к закону и действиям государства; от судов ожидают справедливости, а не поощрения лжи и обмана. Автор выявляет противоречие между сформировавшимся в советское время отношением к судебным ошибкам и рассмотрению процедуры пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам лишь как к процедуре пересмотра в порядке самоконтроля и реальной задачей суда по исправления судебных ошибок. Справедливо отмечается, что этот подход преодолеть крайне сложно, поскольку новые доказательства, показывающие ложь стороны, не рассматриваются судами в качестве вновь открывшихся обстоятельств. Между тем решение, основанное на лжи, является судебной ошибкой.

Ключевые слова: арбитражное судопроизводство; гражданское судопроизводство; личное доказательство; объективная (судебная) истина; объяснения представителей; объяснения стороны; пересмотр дела ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств; последствия дачи ложных объяснений стороны; правовая определенность, представители стороны.

Цитирование: Султанов, Айдар Р. “Проблема объяснений сторон в качестве доказательств в арбитражных судах”. *Юридический аналитический журнал*. 2021;16(1): 25–48. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2021-16-1-25-48>.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

© Айдар Р. Султанов, 2021

Айдар Рустэмович Султанов, начальник юридического управления ПАО «НИЖНЕКАМСКНЕФТЕХИМ», 423574, Российская Федерация, Республика Татарстан, Нижнекамский муниципальный район, город Нижнекамск, ул. Соболековская, 23, офис 129.

e-mail: sultanovar@nknh.ru

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.01.2021
Revised: 25.01.2021
Accepted: 22.02.2021

Aydar R. Sultanov PJSC «NIZHNEKAMSKNEFTEKHIM», Nizhnekamsk, Russian Federation

The problem of the parties' explanations as evidence in arbitration courts

Abstract: the article examines the problem of the parties' explanations as evidence in arbitration courts. The author analyzes this problem through the prism of the admissibility of lies in the arbitration process. This problem is resolved from both legal and philosophical and ethical positions. The untruth is something that destroys trust – the foundation of society, among other things, it undermines the credibility of the court, which accepts a lie; a lie destroys the person himself. The author reasonably believes that the one who considers a lie in court to be permissible allows the victory of untruth in court, thereby contributing to the transformation of a liar into a triumphant villain with the complicity of the court. Lying leads to dysfunction of justice, allowing lies in the trial is contrary to the very foundations of justice. The entry into force of a judgment based on a lie in one dispute only gives rise to a new dispute between the same parties. The author proves that a negative attitude towards lies is characteristic of both substantive and procedural law. It is concluded that the availability of effective means of protection against lies in the process is consistent with the principle of maintaining citizens' confidence in the law and the actions of the state; justice is expected from the courts, not the encouragement of lies and deceit. The author reveals a contradiction between the attitude to judicial errors formed in the Soviet era and the consideration of the procedure of revision based on newly discovered circumstances only to the procedure of revision in the order of self-control, and the actual task of the court to correct judicial errors. It is rightly noted that this approach is extremely difficult to overcome, since new evidence showing the lie of the party is not considered by the courts as newly discovered circumstances. Meanwhile, a decision based on a lie is a miscarriage of justice.

Key words: arbitration proceedings; civil proceedings; personal evidence; objective (judicial) truth; explanations of representatives; explanations of the party; reconsideration of the case in view of new and newly discovered circumstances; consequences of giving false explanations by the party; legal certainty, representatives of the party.

Citation. Sultanov, Aydar R. 2021. The problem of the parties' explanations as evidence in arbitration courts. *Juridical Analytical Journal* 16(1): 25–48. <http://doi.org/10.18287/1810-4088-2021-16-1-25-48>. (In Russian)

Conflict of interest: the author declared no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

© Aydar R. Sultanov, 2021

Aydar R. Sultanov, head of the legal department of PJSC «NIZHNEKAMSKNEFTEKHIM», office 129, bldg. 23, Sobolekovskaya Street, Nizhnekamsk, 423574, Russian Federation.

e-mail: sultanovar@nknh.ru

Введение

В советское время процессуальная доктрина исходила из того, что объяснения стороны допустимы в качестве личных доказательств и не допустимы в качестве доказательств объяснения юридических лиц, адвокатов, прокуроров (Курылев 2010, 41). В то же время обязанности сторон говорить суду правду и ответственности за ложь суду сторонами не было установлено.

Однако обязанность суда установить объективную истину позволяла процессуалистам утверждать, что «в условиях советского гражданского процесса бессмысленно говорить о праве сторон на ложь, о мнимом бессилии суда бороться с не соответствующими действитель-

ности сообщениями сторон. Советский суд не только обязан устанавливать действительные взаимоотношения сторон, но и наделен средствами для установления истины (ст. 5, 118 ГПК)» (Курылев 2009, 172).

В настоящее время в процессуальных кодексах мы не найдем требований об установлении объективной истины, и суд чаще всего занимает пассивную позицию при сборе доказательств. В этих условиях вопрос о необходимости выработки инструментария для борьбы с ложью сторон в процессе становится особенно актуальным.

Хотя некоторые уважаемые коллеги и утверждают, что «...слухи о смерти принципа

объективной (судебной) истины в современном гражданском процессе явно преувеличены...» (Боннер 2009), это отнюдь не снижает остроты проблематики.

По-прежнему стоит вопрос о доверии к объяснению сторон и возможности основывать на них судебное решение.

Основное исследование

29 октября 2020 Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) вынес Постановление по делу «Бычков против России», в котором была затронута проблема ничем не подтвержденного недоверия к объяснениям ответчиков по делу о клевете.

ЕСПЧ, анализируя обстоятельства рассмотрения дела в национальных судах, указывает, что «в письме описывались два случая, очевидцами которых были подписавшие его студенты. В ходе первого и второго раундов разбирательства суды сочли личные устные доказательства достаточными для установления того, что события действительно имели место, как они были описаны. В третьем раунде их показания были отклонены на том основании, что они, как стороны процесса, не могут быть правдивыми в отношении событий, описанных в письме. Такая переоценка доказательств не представляется суду убедительной. Судя по всему, не существует каких-либо прецедентов или принципов российского права, которые требовали бы исключения всех объяснений сторон разбирательства как ненадежных доказательств. Окружной суд не ссылаясь на какие-либо признаки неискренности или нечестности, способные поставить под сомнение их показания. На самом деле, кажется, никто, включая г-на А., никогда не ставил под сомнение описание двух инцидентов, упомянутых в письме. В этих обстоятельствах суд не может прийти к выводу, что российские суды опирались на «приемлемую оценку соответствующих фактов». Полагаем, что Российские власти должны воспринимать Постановление ЕСПЧ не в штыки (Султанов 2008, 15–18), а как помощь в выполнении функции по защите прав и свобод человека, когда внутренние российские процедуры дали сбой (Султанов 2008, 42–46).

В выше процитированном деле действительно произошел «сбой», поскольку было правильно отмечено, что в ГПК РФ не установлено презумпции недоверия к объяснениям сторон – «Объяснения сторон и третьих лиц об известных им обстоятельствах, имеющих значение для правильного рассмотрения дела, подлежат

проверке и оценке наряду с другими доказательствами. В случае, если сторона, обязанная доказывать свои требования или возражения, удерживает находящиеся у нее доказательства и не представляет их суду, суд вправе обосновать свои выводы объяснениями другой стороны» (ст. 68 ГПК РФ).

У суда существует право не принимать признание сторон, если имеются основания полагать, что признание совершено в целях сокрытия действительных обстоятельств дела или под влиянием обмана, насилия, угрозы, добросовестного заблуждения, суд не принимает признание, о чем судом выносятся определение. В этом случае данные обстоятельства подлежат доказыванию на общих основаниях (ч. 3 ст. 68 ГПК и ч. 4 ст. 70 АПК РФ).

Несмотря на схожесть правового регулирования в ГПК РФ и АПК РФ, необходимо учитывать, что существуют различия в том, кто участвует в судебных заседаниях. Если в судах общей юрисдикции часто выступают физические лица, иногда их представители, то в арбитражных судах чаще всего в процессе участвуют представители и редко физические лица.

АПК РФ признает доказательствами объяснения лиц, участвующих в деле, об известных ему обстоятельствах, имеющих значение для дела, сообщенные арбитражному суду в письменной или устной форме (ст. 81 АПК РФ). Данная норма весьма лаконична. Комментаторы АПК РФ раскрывают суть этой нормы таким образом: «Это объяснение об обстоятельствах, которые, во-первых, имеют значение для дела, во-вторых, эти обстоятельства известны лицу, которое дает объяснения. Первая характеристика свидетельствует о том, что объяснениями признается лишь та информация, которая имеет отношение к делу. И это разъяснение не случайно, так как в объяснениях лиц, участвующих в деле, может содержаться не только информация об известных обстоятельствах дела, но и эмоции, правовая и иная оценка событий, сведения, известные из чьих-то слов, и т. д. Вторая характеристика акцентирует внимание на источнике информации, им должно быть само лицо, участвующее в деле. Это не должны быть показания с чужих слов» (Ярков 2011).

Таким образом, положения ст. 81 АПК РФ приводят к восприятию объяснений лица, участвующего в деле, как показания, разновидности личного свидетельствования. Однако, как мы уже выше отмечали, участвующими в арбитражных судах лицами очень часто выступают представители, которые преимущественно и

дают в арбитражном суде письменные и устные объяснения и их принимают, даже не обращая внимания на то, что представители чаще всего обладают сведениями именно с чужих слов.

И.Р. Медведев в своей книге «Учение об объяснениях сторон в гражданском процессе» также пишет, что «конечно, правы ученые, считающие, что субъектами объяснений лиц, участвующих в деле, не могут быть сами юридические лица или их представители, не воспринимавшие фактов лично (Ярков 2003, 202–203; Яковлев, Юков 2003, 273; Полумордвинов, 109–110, 133, 141)» (Медведев 2010, 237).

Российская доктрина всегда относилась негативно к свидетельствованиям по слуху: «свидетель, показывающий на суде по слуху, передает не то, что он видел и непосредственно он сам, но что было сообщено ему другим, передает чужое показание, отражает лишь эхо. Показание по слуху представляет всегда двух свидетелей – того, кто говорит перед судьей, и того, кто предполагается первоначальным внесудебным свидетелем со всеми причинами подозрения, связанными с каждым из них. На суде является, таким образом, показание лица, не вызванного в качестве свидетеля» (Тарновский 2011, 87).

Однако, соглашаясь с этими подходами, И.Р. Медведев все же допускает в качестве доказательств объяснения представителей, предлагая внести изменения в АПК РФ, предусмотрев в качестве участников дела представителей; предлагает закрепление среди доказательств «объяснения представителей».

Полагаем уместным привести доводы данного автора: «...при возвращении из теории в более прозаический процессуальный мир можно заметить, что представители помогают узнать сведения о фактах и приводят крайне важные для дела доводы, в том числе мнения по правовым вопросам, которые должны быть заслушаны... Раз в объяснениях представителей могут быть сведения о фактах, откуда бы они их ни получили, следует обеспечить им возможность попасть в доказательственную базу на законных основаниях» (Медведев 2010).

К сожалению, это практически все обоснование, которое вряд ли можно назвать удовлетворительным с научной точки зрения, поскольку автор данного обоснования фактически осуществил игнорирование важнейшего принципа гражданского процесса – принципа непосредственности исследования доказательств.

Если в советское время Правила рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами, утвержденные Поста-

новлением Совмина СССР № 490 от 16 апреля 1988 г., предусматривали в качестве доказательств «объяснения представителей» (п. 28), В то же время арбитр имел право убедиться в правдивости «объяснений представителей – «должностные лица сторон, их вышестоящих органов и других предприятий, учреждений и организаций лица обязаны явиться в государственный арбитраж по его вызову, сообщить известные им сведения и обстоятельства по делу, представить по требованию государственного арбитража объяснения в письменном виде» (п. 25). То есть у арбитража были действенные инструменты для проверки объяснений представителей через «допрос» должностных лиц.

Принцип непосредственности исследования доказательств, закрепленный в ст. 10 и ст. 71 АПК РФ, обязывает суд непосредственно исследовать и воспринять все доказательства по делу, в том числе заслушать объяснения лиц, участвующих в деле, показания свидетелей, заключения экспертов, ознакомиться с письменными доказательствами, осмотреть вещественные доказательства. Соблюдение данного принципа гарантирует личное восприятие судьями арбитражного суда всего доказательственного материала, которое является, наверное, одной из самых существенных гарантий правосудия.

Если мы считаем недопустимым доказательством показания свидетелей по слуху, которые иногда даже не могут указать источник своей информированности (Султанов 2017, 56–65), и допускаем их показания лишь как указание источника доказательства, когда они могут раскрыть настоящий источник информации (Султанов 2017, 23–27), то почему мы должны допускать объяснения представителей на других условиях?

Ну а проза жизни действительно такова, что арбитражные суды принимают объяснения представителей как объяснения сторон, не обращая внимания на источник их информированности и на то, что они не подтверждены доказательствами. Стало ли это облегчением тем, кто искажал в суде информацию только для того, чтобы выиграть дело? Наверное, да. К сожалению, в судах мы можем очень часто услышать описание обстоятельств от представителей, которые иначе чем фейком не назовешь. И наверно, пора вернуться к теории от искаженной правоприменительной практики для возрождения справедливого правосудия, достигающего целей правосудия, а не превращающего ложь в неправовую определенность, подкрепленную обязательностью судебного акта.

Полагаем, что одним из ключей для разрешения проблем может быть выяснение правовой природы объяснений сторон. На наш взгляд, в этом может помочь обращение к материальному праву. Объяснения сторон по своей сути – это заверения об обстоятельствах, об их истинности, соответствия их действительности, что на них может положиться суд. Они даются для того, чтобы суд им поверил, равно как заверения об обстоятельствах даются стороне сделки, чтобы вызвать у нее доверие. Можно утверждать, что они имеют аналогичное правовое положение, как и заверения об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ), хотя все же, суд не должен верить простым заверениям, не подкрепленным доказательствами. Здесь мы согласны с И.Р. Медведевым: «Объяснения сторон без проверки, при отсутствии в законодательстве РФ гарантии их правдивости, учитывая мотив к необъективному изложению фактов, приниматься в качестве безусловного доказательства существования обстоятельств по общему правилу не могут... При конфликте двух объяснений в форме утверждений и отсутствии иной информации факт теоретически не доказан» (Медведев 2010, 209).

Однако вернемся к материальному праву и обратим внимание на то, какие последствия им предусмотрены в случае дачи недостоверных заверений – Гражданский кодекс РФ предусматривает, что сторона, которая при заключении договора либо до или после его заключения дала другой стороне недостоверные заверения об обстоятельствах, имеющих значение для заключения договора, его исполнения или прекращения, обязана возместить другой стороне по ее требованию убытки, причиненные недостоверностью таких заверений, или уплатить предусмотренную договором неустойку.

Сторона же, полагавшаяся на недостоверные заверения контрагента, имеющие для нее существенное значение, наряду с требованием о возмещении убытков или взыскании неустойки также вправе отказаться от договора, если иное не предусмотрено соглашением сторон, она также вправе вместо отказа от договора требовать признания договора недействительным (ст. 179 и ст. 178).

Когда же даются недостоверные заверения при осуществлении предпринимательской деятельности, а равно и в связи с корпоративным договором либо договором об отчуждении акций или долей в уставном капитале хозяйственного общества, то негативные последствия применяются к стороне, давшей их независимо от того, было ли ей известно о недостоверности

таких заверений, если иное не предусмотрено соглашением сторон. То есть не нужно никакого умысла при недостоверных заверениях, достаточно неосторожности со стороны заверителя для возникновения негативных последствий.

Бывший председатель ВАС РФ В.Ф. Яковлев отмечал, что «метод гражданского процессуального регулирования является продолжением гражданско-правовой позвольтельности» (Яковлев 2012, 89).

Полагаем, что и в арбитражном процессе должны быть предусмотрены последствия дачи ложных объяснений стороны, включая «аннулирование процесса» и возобновление производства по делу. Такие негативные последствия будут уроком, исключающим желание извлечь выгоду из лжи. Советские классики писали: «когда невозможность установления объективной истины обусловлена поведением одной или обеих сторон, неблагоприятные последствия такой невозможности следует возлагать на виновную в том сторону или на обе стороны» (Курылев, 645).

Развитие принципа добросовестности в гражданском праве должно серьезнейшим образом повлиять и на арбитражный процесс и сделать невыгодной ложь в суде. В этой связи полагаем возможным ставить вопрос об использовании подхода законодателя без виновного наступления негативных последствий недостоверных заверений об обстоятельствах при ведении предпринимательской деятельности.

Этот подход может быть развит и расширен за счет профессиональных представителей. Те, кто специализируется на представительстве в суде, должны дорожить доверием суда, а не злоупотреблять им. Их объяснения должны быть ими тщательно проверены и подкреплены доказательствами. Недостоверность их объяснений должна вызывать негативные последствия не только в «аннулировании процесса», но и, возможно, порождать их персональную ответственность. Скорее всего, без введения персональной ответственности представителей «святое право на ложь в суде» не умрет.

Проблема лжи в процессе в разное время поднималась и российскими учеными (Розин 1910, 2898; Бугаевский 1909, 736; Гедда 1910, 7–8; Юдин 2006, 32–34; Молчанов 2010, 28–31), равно как активно обсуждалась и зарубежными юристами. Так, немецкий процессуалист Рихард Шмидт даже соглашался на наличие «права на ложь» в процессе, полагая, что главное – это полная свобода сторон и принцип состязательности (Бугаевский 1909, 736). Его сторонники

придерживались мнения о том, что в состязательном процессе, основанном на постулатах римского судопроизводства: «*Nemo tenetur armare adversarium (suum) contra se*» (никто не обязан вооружать своего противника против себя самого) и «*Nemo tenetur prodere seipsum (seipsum prodere)*» (никто не обязан предавать себя самого), недопустимо вводить какие-либо ограничения в отношении сторон в части выбора ими средств нападения или защиты, в том числе путем запрещения представления суду информации, не соответствующей действительности, и установления за эти действия юридических санкций (Молчанов 2010, 28–31).

Данная точка зрения не возобладала, проиграв категорическому императиву, выведенному Иммануилом Кантом, требующим быть правдивым с другими и запрещающим ложь. В действующем Гражданском процессуальном уложении Германии в ст. 138 (Гражданское процессуальное уложение Германии 2006, 54) закреплена обязанность сторон давать объяснения и по фактам и обязанность говорить правду¹ (Жалинский 2001, 523). Причем и у этого подхода можно найти римские корни: *Fraus et jus nunquam cohabitant* («Обман и правосудие никогда не совмещаются»).

Однако, в российском гражданском процессуальном законодательстве, даже в то время, когда от суда требовалось установить объективную истину, не было установлено требования о правдивых показаниях сторон.

Хотя надо отметить, что некоторые ученые предлагали «введение процессуальной процедуры принятия перед судом клятвы-присяги сторонами говорить в суде правду и ничего, кроме правды... предоставить возможность применения судом таких процессуальных мер борьбы с ложью (в случаях доказательного разоблачения лжи), как предупреждение стороны о недопустимости использования ложных сведений и о возможных негативных последствиях злоупотребления (ложью), а также в виде наложения процессуального штрафа (по усмотрению суда в размере, кратном минимальному размеру оплаты труда), прекращения производства по делу, вынесения решения в пользу противоположной (добросовестной) стороны» (Коваленко 2002, 200).

Однако по настоящее время подобных мер законодатель в процессуальных кодексах не предпринял.

¹ Полагаем сразу же акцентировать внимание на том, что «требуется так называемая субъективная правда; объективная правда не требуется. Только осознанная ложь нарушает данный принцип».

В то же время в Гражданском кодексе РФ принцип добросовестности стал главенствующим и содержит достаточно много норм о негативных последствиях в случае лжи.

К сожалению, лжи в арбитражных судах и судах общей юрисдикции с появлением данных норм не стало меньше.

Несмотря на то что данная проблема с определенной регулярностью поднимается научной общественностью, не можем не согласиться, что «право на ложь в суде» является фактором, дестабилизирующим правосудие (Терехин 2015).

Полагаем необходимым кратко рассмотреть доводы И. Канта против лжи, поскольку, по справедливому замечанию В.С. Соловьева, «ни один философ до Канта не утверждал, что основополагающая заповедь “не лги” есть одновременно и “источник права”, всякого права, “основанного на договорах”» (Соловьев 2005, 80).

Мы вынуждены ограничиться весьма кратким рассмотрением идей И. Канта, вокруг которых по настоящее время до сих пор не утихают споры.

«Правдивость в показаниях, которых никак нельзя избежать, есть формальный долг человека по отношению ко всякому², как бы ни был велик вред, который произойдет отсюда для него или для кого другого; и хотя тому, кто принуждает меня к показанию, не имея на это права, я не делаю несправедливости, если искажаю истину, но все-таки таким искажением, которое поэтому должно быть названо ложью (пусть не в юридическом смысле), я нарушаю долг вообще в самых существенных его частях: т. е. поскольку это от меня зависит, я содействую тому, чтобы никаким показаниям (свидетельствам) вообще не давалось никакой веры и чтобы, следовательно, все права, основанные на договорах, разрушались и теряли свою силу; а это есть несправедливость по отношению ко всему человечеству вообще. ...Определение лжи, как умышленно неверного показания против другого человека, не нуждается в дополнительной мысли, будто ложь должна еще непременно вредить другому, как этого требуют юристы для полного ее определения (*mendacium est falsiloquium in praejudicium alterius*). Ложь всегда вредна кому-нибудь, если не отдельно-

² Сноска, сделанная И. Кантом: «Здесь я не могу довести свое положение до такой остроты, чтобы сказать: “Неправдивость есть нарушение обязанности к самому себе”. Ибо оно относится уже к этике; а здесь речь идет о правовой обязанности. Учение о добродетели видит в этом нарушении только полную негодность, обвинение в которой лжец на себя навлекает».

му лицу, то человечеству вообще, ибо она делает негодным к употреблению самый источник права (Кант 1980, 232–237).

В. С. Соловьев обратил внимание на этот момент, который на наш взгляд, весьма важен, поскольку речь идет об источнике права. И. Кант использовал в своей статье заповедь «не лги», однако не указывал ее в качестве источника права, а лишь указал, что «ложь делает негодным к употреблению самый источник права». Полагаем, что Кант здесь имел в виду в качестве источника права «доверие» – *fides*³.

*Fides*⁴ – [вера, доверие], собственная честность и доверие к чужой честности, верность данному слову, нравственная обязанность всех людей [следовательно, не зависящая от римского гражданства] выполнять свое обязательство, в чем бы оно ни выражалось. Поэтому *fides* стала опорой всех правоотношений между гражданами и негражданами Рима [*ius gentium*] и одним из основных творческих элементов римского правового мышления (Бартошек 1989, 131–132).

Современные исследователи подчеркивают, что *fides* означает веру и доверие в смысле веры данному слову со стороны третьих лиц и доверие как соблюдение верности своему слову. Это первая грань, определяющая как бы нижний предел человеческих отношений с точки зрения римского воззрения на существующий порядок вещей. Вместе с тем без уважения к самому себе и своему честному слову в Риме не мыслилось ни одно правовое отношение» (Карлявин 2015). Считается, что *fides* является основой понимания норм римского права и как бы опорой всех правоотношений в Риме. Оно олицетворяет собой ожидание правильного поведения и тем самым выполнения данных обещаний и корреспондирующее этому доверие тому, что обещание будет исполнено (Нам 2019, 13).

Конечно же, мы здесь под источником права понимаем не нормативный акт, а скорее нечто, что вообще порождает право, откуда происходит само право, откуда право черпает силы для своего развития.

Как отмечают исследователи: «...по своей сущности категория *fides* занимает место вне правопорядка, но она всякий раз вновь и вновь вторгается в правовую сферу, и под ее непосредственным и решающим влиянием происходит формирование правовых предписаний.

³ Российскому юристу более известен термин *bona fides* – «добрая совесть», который произошел от *fides*.

⁴ Не можем не отметить, что в Древнем Риме *Fides* – это также богиня согласия, верности.

Это становится возможным благодаря развитию права и в ходе такого развития» (Waldstein 1976, 68–69). Российские цивилисты также обращали внимание на то, что «доверие составляет необходимый элемент всякой сделки» (Иоффе 1958, 208). Безусловно, состояние доверия можно рассматривать как юридический факт или элемент юридического состава (Коциоль 2013, 264–265, 271–281), поскольку утрата доверия может быть юридическим фактом для расторжения договорных отношений (Суханов 2004, 337). Доверие – это «предпосылка правового общения» (Дождев 1996, 40).

Мы позволили себе несколько углубиться в истоки, поскольку на поверхности разошедшиеся круги, взбудораженные волнами различных событий и интерпретаций с целью не прояснить, а объяснить, оправдать покрытые пеной устоявшиеся избитые клише, воспринимаемые за аксиомы, которые лишают возможности видеть ситуацию такой, какая она есть.

А ситуация довольно проста – суд не создан для того, чтобы, действуя на основании лжи, выносить несправедливые, далекие от правды решения, которые к тому же были бы обязательны для всех (Афанасьев 1998; Докучаева 1999).

Главная и единственная задача правосудия – охрана права в борьбе с неправдой (Розин 1910, 43). Как справедливо отмечал В.А. Рязановский: «Государство существенно заинтересовано в том, чтобы действительный кредитор мог получить удовлетворение от действительного должника и чтобы такое положение являлось общим правилом. Следовательно, процесс должен быть так организован, чтобы суд мог установить действительное отношение между сторонами, найти материальную правду» (Рязановский 1996, 34).

Неправда – это то, что разрушает доверие – основу общества, в том числе и подрывает доверие к суду, который принимает ложь. Не говоря уже о том, что ложь разрушает и самого человека.

Прав был Кант, когда писал, что «неправдивость есть нарушение обязанности к самому себе». Современные философы отмечают: «Истиной для вас является то, что вы видели сами. И когда вы теряете это, вы теряете все. Что такое целостность личности? Целостность личности – это знание того, что вы знаете (то, что вы знаете, – это то, что вы знаете). И это мужество, достаточное для того, чтобы знать, что именно вы видели, и сказать об этом. Это и есть целостность личности. И нет никакой другой целостности» (Хаббард). Исследователи

правды в отечественной мысли, отмечают, что «вследствие выявления логики становления и развития правды в отечественной мысли становится ясным, что данная идея является системообразующей в общественном сознании как в ценностном, так и в его нормативном строе. По своей сути идея правды совпадает с идеей права» (Уткин 2008, 10).

Конечно же, последние цитаты имеют больше отношения к этике. Нельзя при помощи права сделать человека честным и правдивым. «Право в интересах свободы позволяет людям быть дурными, не вмешиваясь в их вольный выбор между добром и злом; оно только в интересах общего блага препятствует дурному человеку пребывать торжествующим злодеем, опасным для самого существования общества. Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царствие Божье, а только в том, чтобы он до времени не превратился в ад» (Соловьев 2019, 79).

Поэтому мы будем говорить только о лжи, которая должна быть запрещена правом, и прежде всего о лжи в суде.

Тот, кто считает допустимой ложь в суде, допускает победу неправды в суде, тем самым позволяя превращению лжеца в торжествующего злодея при соучастии суда.

Надо отметить, что в цитируемой нами статье Канта также речь шла «о правдивости (честности) в показаниях. Каждый раз он оговаривает это. Слово “показание” фактически является в статье термином, повторяемым на 4–5 страницах текста по крайней мере 10 раз. Оно, на мой взгляд, подобрано переводчиком очень точно, имея в виду, что это русское слово (“показание”) употребляется именно в юридическом, правовом аспекте (если, конечно, речь не идет о данных измерительных приборов). Термин, переведенный как “показание”, в немецком оригинале обозначен тремя словами: *Deklaration*, *Erklaerung*, но чаще всего (в восьми случаях) *Aussage*. Все они подразумевают публичные, официальные заявления, в особенности перед судом (о чем в одном месте кантовского текста говорится прямо). Это не просто высказывания, а именно показания, т. е. обязывающие высказывания, которые человек делает с сознанием ответственности и готовности отвечать за них» (Гусейнов 2008, 116).

Допущение лжи в суде подрывает доверие к суду, к его способности выносить справедливые судебные акты. Суды, потеряв доверие, закономерно утрачивают легитимность (Гаджиев 2011, 25).

Соответственно, ложь вредна, поскольку подрывает возможность выполнения функции правосудия.

Полагаем, что допущение лжи в судебном процессе противоречит самим основам правосудия. «Гражданский процесс является не зависящим от произвола; здесь действует неизменный закон, и произвол влияет на проявление закона только в частностях; всякие попытки организовать гражданский процесс в противность основному закону оказывались безуспешными...» (Малинин 1881, 5). «...закон, вытекающий из природы человека, неизбежно требующей удовлетворения своих потребностей, в дальнейшем неизбежно порождающей между людьми столкновения в области частно-правовых отношений, с другой стороны, закон самосохранения государства, неизбежно требующий водворения спокойствия в правоотношениях граждан. Пока будет существовать государство, признающее личность человека, этот основной закон гражданского процесса будет оставаться неизменным, определяющим процесс законом» (Малинин 1881, 8). Современные философы также обращают внимание на то, что «если краткосрочная цель правосудия в том, чтобы прервать конфликт, то не состоит ли долгосрочная цель в том, чтобы восстановить социальные узы, положить конец конфликту, установить мир?» (Рикер 2005, 259)

Ложь, безусловно, является барьером в достижении этих целей. Вынесение несправедливого судебного решения, не основанного на правде, не способно сделать конфликтную ситуацию бесконфликтной. «Руководимая правдой личность отличается не только тем, что держится правил, исполняет обязанности и настойчива в правопритязаниях, но и тем, что берется не принимать фальши, даже если она узаконена» (Арановский 189).

Вступление в силу судебного решения, основанного на лжи, по одному спору лишь порождает новый спор между теми же сторонами. Суды оказались завалены исками. Работая в перегрузке, суды порой стали относиться к рассмотрению дел более формально, решения их стали более поверхностными, не проникающими в суть конфликта. Некоторые же судьи, даже не пытаясь разрешить конфликт, по всей видимости, полагая, что это невозможно и что это не является целью судебного процесса, стали озабочены лишь тем, как вынести решение, которое устояло бы в вышестоящих инстанциях (Султанов 2008, 11–14).

Более того, в недрах судебной системы вновь проросло желание вообще не мотивировать судебные акты⁵. Ранее, в начале XX века, Н.В. Крыленко обосновывал это тем, что мотивирование судебных актов является обременительным для простых рабочих, посаженных народными судьями, что требование мотивирования не соответствует воззрению на суд как на суд народной совести, что закон настолько доверяет судьям, что не требует объяснять, почему тому или иному доказательству придана вера или, наоборот, не придана (Крыленко 1924, 78).

Хотя, конечно же, сейчас инициаторы этого не указывают в качестве проблемы сложность написания мотивированных судебных актов, а указывают перегрузку судов.

Однако мотивированность судебных актов является одним из средств, посредством которого поддерживается доверие к нижестоящим и вышестоящим судам (Султанов 2014, 114–118). Юридическая сила суда в социальной реальности подтверждается качеством его решений, а не только критерием легальности (Гарапон 2005, 270).

Функцией мотивированного решения является продемонстрировать сторонам, что их выслушали⁶.

Возможно, «разрешение лжи в процессе» привело к потере у судов этой ценности процесса – зачем слушать ложь? Зачем ее описывать в судебном акте?

Таким образом, мы наблюдаем вначале допущение лжи в процессе, затем тотальное недоверие к сторонам, влекущее снижение уважения к правам сторон, а потом деформацию правосудия, что грозит суду вообще перестать быть таковым (Султанов 2018, 38–49; 79–102).

При этом материальное право относится отрицательно ко лжи и обману. В.Ф. Яковлев, – один из создателей Арбитражного процессуального кодекса РФ, отмечал, что «метод гражданского процессуального регулирования является продолжением гражданско-правовой позволительности» (Яковлев 2012, 89).

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 октября 2017 года № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». http://vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=11612.

⁶ Постановлении Европейского Суда по правам человека от 22 февраля 2007 г. Дело «Татишвили (Tatishvili) против Российской Федерации» (жалоба № 1509/02).

Наш Гражданский кодекс РФ предусматривает негативные правовые последствия равно в ситуации с прямым обманом при заключении сделки (ст. 179 ГК РФ), при даче заверений (ст. 431.2 ГК РФ) и даже сокрытии информации (обмана путем умолчания) (ст. 179, ст. 431.2, ст. 10 ГК РФ).

Полагаем, что появление термина «заверение»⁷ (Ефремова) в какой-то степени обусловлено ранее нами упомянутым источником права – *fides*.

Что неудивительно, поскольку *bona fides* произошло от *fides*. И.Б. Новицкий, характеризую принцип «*bonafides*», указывал: добросовестность или добрая совесть по этимологическому смыслу таит в себе такие элементы, как знание о другом, о его интересах; знание, связанное с известным доброжелательством; элемент доверия, уверенность, что нравственные основы оборота принимаются во внимание, что от них исходит каждый в своем поведении (Новицкий 2006, 124–181).

Очевидно, что принцип добросовестности не совпадает с запретом злоупотребления правом. Он шире, он не просто запрещает действия на причинение вреда. В частности, он предусматривает, что «при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию (ч. 3 ст. 307 ГК РФ)».

Соответственно, положения 1 абз. ч. 2 ст. 41 АПК РФ, требующие от лиц, участвующих в деле, добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами, не должно восприниматься лишь как прелюдия к абз. 2 ст. 2 ст. 41, гласящему, что злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в деле, влечет за собой для этих лиц предусмотренные АПК РФ неблагоприятные последствия.

Процессуальный правовой институт доказывания и доказательств оценивается исследователями как межотраслевой, включающий в том числе и нормы гражданского права (Чельшев 2009, 370). Можно утверждать, что нормы о добросовестности Гражданского кодекса РФ также влияют на процесс выявления обстоятельств дела при судебном разбирательстве.

⁷ Заверение – обнадеживающее заявление, уверение.

Не можем не согласиться с тем, что истина представляет собой безусловное, всеобщее и необходимое условие организации жизнедеятельности человека (Корнев 2006, 77), в том числе при заключении сделок и при судебном разбирательстве.

Если заверения об обстоятельствах – это уверение, обнадеживающее заявление о фактах, то объяснения сторон в процессе несколько шире и включают в себя, помимо утверждений о фактах, также правовую квалификацию. Впрочем, это не просто уверение равноправного субъекта, а заверение, адресованное суду, с надеждой на то, что оно будет положено в основание судебного акта.

Таким образом, объяснения сторон за исключением части, в которой они высказывают свое суждение о правовой квалификации обстоятельств, по своей сути являются заверениями об обстоятельствах, данных публичному органу с целью оказать влияние на отправление правосудия.

И в том и в другом случае мы наблюдаем процесс передачи заведомо ложной информации, которую можно назвать дезинформацией⁸ (Корнев 2006, 221), а юрист, не зашоренный российским правоприменением, не признающим обман суда стороной уголовным правонарушением, мог бы назвать передачу заведомо ложной информации интеллектуальным подлогом.

Ложное заверение равноправному субъекту порождает у обманутого право признать недействительной сделку, заключенную на основании данного заверения, либо отказаться от такой сделки, либо требовать возмещения убытков, а обманувшее лицо не может ожидать, что «договор должен соблюдаться» (*Pacta sunt servanda*) – его права, основанные на сделке, совершенной в результате обмана, не будут защищены правом.

Логично полагать, что фактической санкцией за реализацию попыток... злоупотребления сторонами в виде заведомой лжи может быть вынесение решения в пользу противоположной (добросовестной) стороны (Коваленко 2002, 198). Однако не всегда ложь вскрывается в ординарных инстанциях, когда еще можно представлять доказательства.

Соответственно, возникает вопрос: может ли лицо, которое использовало в процессе ложь для своей защиты, рассчитывать на защиту под

⁸ Здесь мы использовали данный термин, взятый из информатики, и использованный в книге Корнева Г.П. «Идеонормативная концепция истины. Философия и применение» (Корнев 2006).

сенью принципа правовой определенности (*res judicata*)? Или может ли ложь создавать правовую определенность?

Принцип правовой определенности имеет своей целью обеспечить участников соответствующих отношений возможностью точно спрогнозировать результат своих действий и в том числе дать надежду, что права данных лиц будут защищены, что при разрешении спора, действия правоприменителя также будут прогнозируемы и предсказуемы и не будут меняться от случая к случаю, от региона к региону. Этот принцип призван гарантировать стабильность. Судебная система, стремящаяся выполнять стабилизирующую функцию, создавать уверенность в справедливости и надежности законов, объективности и предсказуемости правосудия, также работает на принцип правовой определенности, который, в свою очередь, является элементом принципа верховенства права (Султанов 2007, 30–39).

ЕСПЧ, оценивая судебные толкования, неоднократно разъяснял, что «для совместимости судебного толкования с требованиями Конвенции необходимо, чтобы его результаты соответствовали природе правонарушения, а решения суда были разумно предсказуемы»⁹, поскольку судебные толкования также обеспечивают правовую определенность – предсказуемость судебных решений для лиц, участвующих в деле.

Таким образом, *res judicata* – это лишь одна грань принципа правовой определенности, который является лишь одним из элементов принципа верховенства права.

Мы сами неоднократно (Султанов 2007; 2011; 2015) ссылались на правовые позиции Европейского Суда по правам человека, согласно которым «одним из основополагающих аспектов верховенства права является принцип правовой определенности, который, среди прочего, требует, чтобы принятое судами окончательное решение не могло бы быть оспорено. Правовая определенность подразумевает недопустимость повторного рассмотрения однажды решенного дела» (Султанов 2010, 22–25).

Однако очевидно, что принцип правовой определенности, берущий корни из аксиомы римского права: *res judicata pro veritate habetur* (судебное решение должно приниматься за истину), никогда не имел цели превращать ложь в истину.

Безусловно, лицо, которое пошло на ложь в суде, не может и не должно рассчитывать на

⁹ S.W. против Соединенного Королевства от 22.11.1995 п. 36, Кокинакис против Греции от 25.05.1993 п. 52.

то, что решение, основанное на лжи, не будет пересмотрено. Полагаем, что лицо, которое пошло на обман, самым фактом обмана поставило себя в положение, что вскрытие обмана лишит его всех преимуществ, которые оно получило благодаря лжи, в том числе риску того, что решение, основанное на лжи, будет отменено.

В Древнем Риме было известно, что судебные решения, основанные на лжи, теряют свойства неоспоримости. Мы можем вспомнить пример, приведенный в кн. 49 Дигест Юстиниана: «Ульпиан... в 14-й книге “Комментариев к эдикту”... Если по поводу завещания предъявлен иск по тайному соглашению, то следует рассмотреть, имеет ли силу решение судьи. И божественный Пий в ответ на жалобу о том, что связанные между собой лица по тайному сговору действовали во вред легатариям и вольноотпущенникам (по завещанию), разрешил последним подать апелляцию. И сегодня мы пользуемся тем правилом, что они могут подавать апелляцию, а также вести дело у того самого судьи, который рассматривает (вопрос) о завещании, если они подозревают, что наследник ведет дело недобросовестно».

Несколько лет назад мы в жалобе в Конституционный Суд РФ, оспаривая положения АПК РФ, ограничивающие подачу жалоб для лиц, не привлеченных к рассмотрению дела¹⁰, писали, что «...помимо обязанности суда верно определить состав лиц, участвующих в деле, определенными процессуальными правами и обязанностями обладают и лица, участвующие в деле. Понимая, что решение затрагивает права лиц, не участвующих в деле, и не предпринимая никаких мер для их привлечения к рассмотрению дела, лица, участвующие в деле, не вправе рассчитывать на то, что судебное решение создаст правовую определенность, защищаемую принципом *res judicata* (Султанов 2007, 17–22). В данной жалобе мы оспаривали процессуальные сроки, которые также служат правовой

¹⁰ Конституционный Суд РФ согласился с нашим подходом и Определением №234-О-П от 16.01.2007 определил, что «Взаимосвязанные положения части 2 статьи 117 и части 2 статьи 276 АПК Российской Федерации по своему конституционно-правовому смыслу в системе норм действующего арбитражного процессуального законодательства и с учетом правовой позиции, выраженной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 17 ноября 2005 года, не предполагают отказ в удовлетворении ходатайства о восстановлении пропущенного срока подачи кассационной жалобы лишь по причине истечения предусмотренного ими предельно допустимого срока подачи соответствующего ходатайства лицам, не привлеченным к участию в деле и узнавшим о решении арбитражного суда по истечении шести месяцев с момента его вступления в силу».

определенности, но не должны быть средством для торжества неправовой определенности и несправедливости.

ЕСПЧ, ратуя за правовую определенность, сам защищается от лжи – в формуляре для обращения в ЕСПЧ заявитель заверяет, что вся изложенная в жалобе информация является достоверной с учетом его осведомленности на момент подписания жалобы. Более того, существует обширная практика ЕСПЧ, трактующая намеренное искажение фактов и представление ЕСПЧ сфальсифицированных доказательств злоупотреблением правом по смыслу п. 3 ст. 35 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Европейский Суд неоднократно подчеркивал недопустимость указания в жалобах и составительных документах заведомо ложных фактов, а также предоставления фальшивых доказательств. Если ЕСПЧ обнаруживает, что жалоба намеренно основана на фактах, не соответствующих действительности, или что в подтверждение представлены сфальсифицированные доказательства, жалоба отклоняется со ссылкой на злоупотребление правом по смыслу п. 3 ст. 35 Конвенции (Афанасьев 2009).

Более того, жалоба может быть отклонена ввиду злоупотребления правом, если при описании фактов упущены или искажены важные для правильного разрешения дела обстоятельства. Непредставление стороной документов (информации), существенно влияющих на правовую оценку обстоятельств, важных для правильного рассмотрения дела, расценивается ЕСПЧ как злоупотребление правом по смыслу п. 3 ст. 35 Конвенции¹¹.

В случае нарушения заявителем обязанности, установленной в п. 6 ст. 47 Регламента ЕСПЧ, об уведомлении ЕСПЧ о любом изменении важных для разрешения дела обстоятельств ЕСПЧ отклоняет жалобу ввиду злоупотребления правом по смыслу п. 3 ст. 35 Конвенции¹².

Полагаем, что хорошей иллюстрацией последствия использования лжи в процессе может быть Постановление ЕСПЧ от 6 июля 2006 г. по делу «Жигалев (Zhigalev) против Российской Федерации» (жалоба № 54891/00).

Данное дело было начато в ЕСПЧ по интересному правовому вопросу об ограниченности статуса третьего лица в судебном разбира-

¹¹ Решения ЕСПЧ по делам *Al-Nashif and others v. Bulgaria*; *Kerechashvili v. Georgia*

¹² Решение ЕСПЧ *Hadrabova and others v. the Czech Republic*.

тельстве, инициированном прокурором, в частности невозможности заявить о применении заявления о сроке давности.

По нашему мнению, установление сроков давности также направлено на внесение правовой определенности (Султанов 2007). Впрочем, это не только наша точка зрения. Так, профессор Шершеневич Г.Ф. пишет: «Действительное основание давности заключается в том, что общество нуждается в прочном порядке и всякая неопределенность отношений, способная колебать приобретаемые права, возбуждает против себя протест. На этом основывается ограничение собственника при строгом осуществлении его права собственности в торговом обороте, на этом же основывается и давность. С течением времени утрачиваются доказательства, умирают свидетели; и возбужденный через много лет спор способен нарушить целый ряд установившихся отношений. По воле законодателя время прекращает такую неопределенность» (Султанов 2009, 38–41).

Первое впечатление при ознакомлении с Решением ЕСПЧ о приемлемости было таким, что прокурор подал заявление в суд, указав Жигалева в качестве третьего лица с целью обойти право последнего на заявление срока давности.

Но когда мы знакомимся с текстом Постановления ЕСПЧ, то увидели в одном из пунктов, что в своем интервью курской газете «Друг для друга» (номер от 22 февраля 2005 г.) Жигалев утверждал: «Когда я только составлял заявление, “добрые люди” советовали: мол, где ты видел, чтобы кому-нибудь удавалось обмануть государство? Видимо, так же думали и представители России в Суде».

Власти Российской Федерации подчеркнули, что никто никогда не пытался оспорить долю Жигалева в крестьянско-фермерском хозяйстве «Луч». Напротив, именно Жигалев пытался захватить имущество других членов хозяйства, которое никогда ему не принадлежало.

В процесс в качестве третьей стороны вступили также члены крестьянско-фермерского хозяйства «Луч», которые утверждали, что причиной различных споров между ними и Жигалевым являлся тот факт, что Жигалев считал себя единственным владельцем имущества крестьянско-фермерского хозяйства «Луч», а других членов хозяйства – наемными работниками, что в действительности не имело оснований. Жигалев не позволял другим членам хозяйства принимать участие в управлении хозяйством и распределять доходы хозяйства. Фермеры неоднократно направляли жалобы прокурору Курской области на нарушения Жигалевым их прав.

Члены крестьянско-фермерского хозяйства «Луч» утверждали, что целью подачи Жигалевым жалобы в Европейский Суд было завладение землей, принадлежащей другим членам хозяйства. Его жалоба не имела оснований ни по вопросам фактов, ни по вопросам права и, соответственно, должна быть отклонена.

ЕСПЧ в данном деле вначале пришел к выводу, что нарушение статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции отсутствовало, а затем сделал вывод о том, что поскольку у заявителя не было права на имущество, подлежащее защите, то и право на суд его не было нарушено¹³.

В качестве одного из примеров того, что ЕСПЧ ставит справедливость выше принципа правовой определенности, можно привести Решение ЕСПЧ от 23 марта 2006 (Берестнев, Виноградов 2006)¹⁴ о восстановлении в списке жалоб, ранее исключенных решением ЕСПЧ, по делу «Алексенцева и 28 других против России» (жалобы № 75025/01, 75026/01, 75027/01, 75028/01, 75029/01, 75030/01, 75031/01, 75032/01, 75033/01, 75034/01, 75035/01, 75036/01, 75037/01, 75038/01, 75136/01, 76386/01, 76542/01, 76736/01, 77049/01, 77051/01, 77052/01, 77053/01, 3999/02, 5314/02, 5384/02, 5388/02, 5419/02, 8190/02 и 8192/02) от 4 сентября 2003 года. Из текста решения ЕСПЧ от 4 сентября 2003 видно, что ЕСПЧ расценивал заявление российских властей о выплате денежных средств, которые, по мнению властей, компенсируют материальный и моральный вред и все издержки заявителей, как одностороннее заявление. То есть заявление, которым власти берут на себя определенные обязательства независимо от волеизъявления других лиц. Из текста заявления российских властей можно было сделать вывод о том, что оно является односторонним заявлением, а не офертой к заявителям о заключении мирового соглашения.

Однако, как в дальнейшем выяснилось, это заявление о выплате денежных средств не было односторонним заявлением и порождало для заявителей возможность получения выплат только при условии подписания мирового соглашения, а при неподписании заявителями не получали ничего. Полагаю, что ЕСПЧ был крайне удивлен таким толкованием и все же надеялся, что российские власти выплатят указанные в

¹³ Обычно, ЕСПЧ устанавливал нарушение ст. 6 Конвенции, а лишь потом ст. 1 к Протоколу № 1 к Конвенции.

¹⁴ Которое было подвергнуто критике, как допускающее отход от правовой определенности в статье Берестнева Ю.Ю., Виноградова М.В. Практика Европейского Суда по правам человека: принцип правовой определенности или *quod licet jovi, non licet bovi?* (Берестнев, Виноградов 2006).

заявлении суммы заявителям, по всей видимости, именно это и послужило основанием для проведения дополнительных консультаций.

Очевидно, что ЕСПЧ с 2003 по 2006 год надеялся, что заявители все же получают обещанные денежные средства. Мягкость и тактичность формулировок в решении от 26 марта 2006, где ЕСПЧ писал: «...при вынесении Решения от 4 сентября 2003 г. об исключении настоящих жалоб Европейский Суд отметил готовность властей Российской Федерации выплатить определенные денежные суммы заявителям в качестве компенсаций морального вреда, причиненного посредством длительного неисполнения судебных решений, вынесенных в их пользу. Однако власти Российской Федерации поставили выполнение своих обязательств в зависимость от отзыва заявителями своих жалоб и заключения мировых соглашений...», отнюдь не означают того, что ЕСПЧ не понимает, что с ним слухавили.

В конечном итоге, когда стало очевидным, что денежные средства не будут выплачены, жалобы были восстановлены в списке подлежащих рассмотрению (Султанов 2007, 157–164).

Таким образом, вряд ли можно утверждать, что ложь порождает правовую определенность. Всякий обман вреден государству, так как без доверия «нравственная связь между людьми невозможна, а всякое правоотношение... выродждается» (Ильин 2003, 370).

Очевидно, что лицо, скрывающее информацию от суда или искажающую информацию, должно понимать, что вскрытие этого факта само по себе лишит его возможности ссылаться на *res judicata*.

ЕСПЧ неоднократно разъяснял, что «Конвенция в принципе позволяет возобновить рассмотрение окончательно разрешенного дела, если открыты новые обстоятельства. Например, статья 4 Протокола № 7 к Конвенции прямо позволяет государствам устранять ошибки при уголовном судопроизводстве. Приговор, в котором проигнорированы ключевые доказательства, также может рассматриваться как ошибка судопроизводства. Однако полномочия по пересмотру должны осуществляться в целях исправления грубых судебных ошибок или ошибок при отправлении правосудия, а не просто как «завуалированное обжалование»¹⁵.

Будет уместным завершить данный раздел упоминанием, что «правовая определен-

ность» — это термин, который существовал задолго до ЕСПЧ. В начале XX века профессор Т.М. Яблочков обращал внимание на то, что «нарушение права, а вовсе не “правовая определенность” есть исходная историческая идея необходимости создания суда, и никем не доказано, что эта идея в течение истории изменилась» (Яблочков 1915, 36). Там, где суды не смогли восстановить нарушенное право, поверив лжи, не может быть правовой определенности.

Выявление лжи во время судебного процесса подрывает доверие к стороне, и суд может отказать в защите недобросовестной стороне процесса. Если ложь вскрылась после вынесения судебного решения, то у апеллянта имеется возможность приобщить к материалам дела доказательства этого с указанием причин, почему это невозможно было сделать в первой инстанции.

Ситуация, когда доказательства, показывающие ложь, появились после вступления решения в законную силу, в настоящее время в процессуальных кодексах однозначно не решена.

В советское время не было никаких препятствий в предоставлении в надзорную инстанцию новых документов, равно как обращение не было ограничено сроками. Предоставление новых документов в надзор расценивалось как расширение прав сторон и советский демократизм (Клейнман 2009, 641). В настоящее время надзор, осуществлявший пересмотр в кассационно-реvisionsном порядке, ушел в прошлое.

Система пересмотра в кассационном и надзорном порядках сегодня модернизирована, и данные инстанции — суды права, а не факта и не принимают никаких новых доказательств, даже доказывающих очевидность судебной ошибки, очевидность лжи одной из сторон и т. д.

При таких обстоятельствах можно было бы рассчитывать, что судебную ошибку можно будет пересмотреть в процедуре пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам (Султанов 2019).

Однако, если вы заявляли в суде о лжи другой стороны, для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам при вскрытии доказательств, подтверждающих факт лжи, может быть непреодолимым препятствием наличие ранее выработанного подхода судами, что «новые доказательства, подтверждающие или опровергающие факты, которые были предметом рассмотрения суда, к суще-

¹⁵ Постановление ЕСПЧ от 18 января 2007 г. по делу «Булгакова (Bulgakova) против Российской Федерации» (жалоба № 69524/01).

ственным для дела обстоятельствам законом не относятся»¹⁶.

Данное доктринальное положение было основано на том, что суд должен при рассмотрении дела выяснить объективную истину, и невыявление всех доказательств было виновной судебной ошибкой. Соответственно, появление новых доказательств не могло открывать дорогу для процедуры самоконтроля (пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам), а было основанием для обращения в надзорную инстанцию с просьбой отменить решение. То есть было основанием для инстанционного пересмотра. Отголоски этого подхода до сих пор можно встретить в работах современных процессуалистов несмотря на то, что процедура инстанционного пересмотра видоизменена и не позволяет после апелляционной инстанции приобщать новые доказательства. В частности, в учебнике по гражданскому процессу МГУ можно прочитать, что «доказательства, обнаруженные после вынесения решения, могут служить основанием для пересмотра дела в порядке надзора» (Треушников 2014, 688; Терехова 2017).

Этот подход лишь соответствует сформировавшемуся в советское время отношению к судебным ошибкам и рассмотрению процедуры пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам лишь к процедуре пересмотра в порядке самоконтроля, а не процедуры исправления судебных ошибок.

Однако этот подход преодолеть крайне сложно, новые доказательства, показывающие ложь стороны, не рассматриваются судами в качестве вновь открывшихся обстоятельств.

По нашему мнению, решение, основанное на лжи, является судебной ошибкой, поскольку результат правоприменительных действий суда в этом случае не совпадает с целевыми установками, закрепленными в нормах процессуального права (Жилин 2010, 9).

Как неоднократно отмечал Конституционный Суд РФ: «...правосудие по самой своей

сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах (ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года; ст. 8 Всеобщей декларации прав человека 1948 года). Справедливость как основополагающая идея находит свое закрепление и во вводных положениях к Конституции Российской Федерации. Ошибочное судебное решение не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено»¹⁷.

Мы всегда полагали, что наличие пробела в правовом регулировании не может и не должно быть препятствием для осуществления правосудия и исправления судебных ошибок (Султанов 2009, 64–77).

Конституционный Суд РФ также неоднократно выражал аналогичные правовые позиции: «При отсутствии других механизмов установление в законе фактического запрета обращаться к органам судебной власти за защитой от ошибочных решений в случаях, не попадающих под признаки пункта 4 части второй статьи 384 УПК РСФСР, означает для человека обязанность подчиниться незаконному, необоснованному осуждению. Лишение права оспаривать такое осуждение явно умаляет достоинство личности. Между тем в соответствии со ст. 21 Конституции Российской Федерации «ничто не может быть основанием для его умаления»¹⁸.

Нам могут возразить, что данные правовые позиции были выражены относительно норм уголовного процесса и имеют отношение к порядку рассмотрения уголовных дел. На что мы можем возразить, что обязанность подчиниться судебному акту, основанному на лжи, обязанность уступить «торжествующему злодею» умаляет чувство достоинства ничуть не меньше, чем незаконное, необоснованное осуждение.

Мы также можем привести правовые позиции Конституционного Суда РФ, выраженные при рассмотрении вопроса о конституционности норм АПК РФ: «...из статьи 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 2, 15 (часть 4), 17 (части 1 и 2), 18, 21 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (части 2 и 3),

¹⁶ Эта позиция является преобладающей в судебной практике, что подтверждается Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» (п. 9) (Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 2, а также п. 4 Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2011 г. № 52 «О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам».

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова».

¹⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1996 г. № 4-П.

55 и 56 (часть 3) следует, что ошибочное судебное решение не может считаться правосудным, и государство обязано гарантировать защиту прав и свобод человека и гражданина от судебной ошибки. Отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт умаляет и ограничивает право каждого на судебную защиту, что недопустимо. Поэтому законодатель, устанавливая порядок осуществления правосудия, обязан предусмотреть механизм (процедуру) исправления таких ошибок, в том числе на стадии пересмотра судебного решения по вновь открывшимся обстоятельствам».

Удивительно, что данным правовым позициям достаточно много лет, а законодатель так и не выполнил данной обязанности.

Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, выступая в эфире «Эха Москвы»¹⁹ за несколько лет до реформы системы пересмотра судебных актов в порядке надзора, обращал внимание: «...может, мы придем к тому, что надзора не будет, но тогда нужно систему приводить к тому, чтобы была возможность пересмотра по новым и вновь открывшимся обстоятельствам в нормальном цивилизованном русле, потому что сейчас при таком соединении многое блокировано и по одной процедуре, и по другой».

Во время реформы системы надзора законодатель²⁰ данную проблему не увидел. И мы имеем то, что имеем.

Безусловно, данная проблема должна быть разрешена законодателем. В то же время необходимо отметить, что запрет на пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам при предоставлении новых доказательств сформирован не законодателем, а судебным толкованием.

В других странах предоставление новых документов, новых доказательств допускается в качестве основания для ревизии судебного решения, о чем справедливо замечают российские процессуалисты (Рожкова, Глазкова, Савина 2015; Терехова 2017). В других странах не вводят искусственного различия между новыми доказательствами и вновь открывшимися обстоятельствами.

Надо отметить, что ЕСПЧ, анализируя российскую практику пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам в деле «Праведная против Российской Федерации», установил: «Процедура отмены окончательного судеб-

ного решения предполагает, что имеются доказательства, которые ранее не были объективно доступными и которые могут привести к иному результату судебного разбирательства. Лицо, желающее отмены судебного решения, должно доказать, что оно не имело возможности представить доказательство до окончания судебного разбирательства и что такое доказательство имеет значение для разрешения дела. Такая процедура была закреплена в ст. 333 Гражданского процессуального кодекса РСФСР и схожа с подобными процедурами, существующими в других правовых системах многих стран – членов Совета Европы. Данная процедура сама по себе не противоречит принципу правовой определенности в той мере, в какой она используется для исправления судебных ошибок».

В данном деле ЕСПЧ исходил из того, что представление новых доказательств является основанием для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, причем, по всей видимости, он сделал вывод, основываясь на буквальном тексте процессуального закона и знанием аналогичных процедур других стран – участниц Совета Европы. При этом нельзя обвинить ЕСПЧ в отсутствии должного анализа и смешении разных правовых явлений, поскольку ЕСПЧ также провел демаркационную линию между вновь открывшимися обстоятельствами и новыми обстоятельствами в целом ряде дел о снижении пенсионных выплат в процедуре пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам на основе разъяснения государственного органа²¹. Так, например, «в деле Булгакова против Российской Федерации»²² первым был вопрос о том, может ли документ, изданный после завершения судебного разбирательства, рассматриваться как «вновь открывшееся обстоятельство». Европейский Суд обратил внимание на то, что важно отличать «вновь открывшиеся обстоятельства» от «новых обстоятельств», и разъяснил, что обстоятельства, которые касаются дела, существуют на момент судебного разбирательства, остаются скрытыми от судьи и становятся известными только после завер-

¹⁹ Выступление 21 мая 2005 в эфире «Эха Москвы». По материалам РИА-Новости.

²⁰ Он рассматривал проект, подготовленный Верховным Судом РФ.

²¹ Часть из них упомянута в п. 3.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 17 октября 2017 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Д.А. Абрамова, В.А. Ветлугаева и других».

²² Постановление Европейского Суда по правам человека от 18 января 2007 г. Дело «Булгакова (Bulgakova) против Российской Федерации» (жалоба № 69524/01). Текст Постановления опубликован в Бюллетене Европейского Суда по правам человека. Российское издание. № 10/2007.

шения судебного разбирательства, являются «вновь открывшимися», а обстоятельства, которые касаются дела, но возникают только после завершения судебного разбирательства, являются «новыми». Европейский Суд пришел к выводу, что в данном деле судом были перепутаны эти понятия» (Султанов 2008).

Ключевым для ЕСПЧ в деле «Праведная против Российской Федерации» для отнесения к вновь открывшимся обстоятельствам были факт скрытости доказательств от судьи и то, что они стали известными только после завершения судебного разбирательства. Подход очень похожий на принятый российским законодателем при разрешении вопроса о приобщении доказательств в апелляционной инстанции: «...дополнительные доказательства принимаются арбитражным судом апелляционной инстанции, если лицо, участвующее в деле, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, в том числе в случае, если судом первой инстанции было отклонено ходатайство об истребовании доказательств, и суд признает эти причины уважительными (ч. 2 ст. 268 АПК РФ).

Выводы

Полагаем, что данное сходство не случайно. Как справедливо отмечал И.М. Тютрюмов: «...просьбы о пересмотре имеют целью охранение материальной справедливости в разрешении дел по существу и в этом отношении сходны с апелляцией» (Тютрюмов 1925, 494). Цель просьбы о пересмотре – отмена решения и замена его другим, соответствующим по своему содержанию настоящим обстоятельствам дела (Энгельман 1904, 421).

Если же доказательство было сокрыто и от суда, и от стороны, то оно, хотя и служит доказательством уже ранее заявлявшегося обстоятельства в суде, если оно является важным для правильного и справедливого решения, должно быть принято и дело должно быть рассмотрено заново с учетом этого доказательства (Султанов 2017, 210–217). Такой подход, может обеспечить определенную защиту от лжи в процессе, делая ее невыгодной.

Безусловно, это лишь один из сравнительно легких способов повлиять на ситуацию с ложью в процессе, который не является единственным действием, которое должно быть предпринято.

Однако эта реализация данного подхода может быть достаточно быстро осуществлена тол-

кованием высших судебных инстанций, либо Верховного Суда РФ, либо Конституционного Суда РФ (Султанов 2019, 52–61), которое может заложить вектор искоренения лжи²³ в гражданском процессе и повышения доверия к суду.

Благополучие страны, а также ее состязательная способность на фоне других стран определяются одной универсальной культурной характеристикой – присущим ее обществу уровнем доверия (Фукуяма 2004, 20–21).

Полагаем, что наличие эффективных средств защиты от лжи в процессе соответствует принципу поддержания доверия граждан к закону и действиям государства – мы ждем от судов справедливости, а не поощрения лжи и обмана.

Верховный Суд РФ в Определении от 11 марта 2021 г. № 306-ЭС20-16785(1,2) пришел к выводу, что недобросовестное поведение одной из сторон спора, заключающееся в сокрытии ключевых для дела доказательств, является основанием для пересмотра судебного акта и может квалифицироваться в качестве вновь открывшегося обстоятельства. В данном деле Верховный Суд РФ согласился с тем, что ложь является юридическим фактом, ее выявление может послужить основанием для пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам.

На наш взгляд, в данном деле правильно применен принцип правовой определенности, который зачастую судами применялся крайне формально в качестве основания в отказе²⁴ передачи дел в кассационную инстанцию (Султанов 2011, 58–61): «...принцип правовой определенности не может защищать сторону, действовавшую недобросовестно и умышленно создавшую видимость отсутствия ключевых доказательств, которые имели решающее значение для дела и могли позволить полноценно провести судебное разбирательство». На наш взгляд, такой подход находится в полном соответствии с толкованиями ЕСПЧ (Султанов 2019, 154–159) и его реализация будет служить восстановлению справедливости, повышая доверие к судам.

Конечно же, проблема «объяснений сторон» должна получить дальнейшее исследование, и на основе его тщательного исследования может быть создана более справедливая процедура, в которой ложь в суде была бы недопустима, а возможность установления правды – возросла.

²³ Безусловно, каждый шаг в этом направлении должен быть тщательно продуман.

²⁴ См. Постановление ЕСПЧ по делу Жиркова и другие против РФ от 30.03.2021.

Библиография

- Арановский, Константин В. 2003. “Аксиология правды в русском мировоззрении и государственное право”. *Правоведение* 6: 185–193. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23222585>.
- Арбитражный процесс: учебник*. 2003. Под ред. В.В. Яркова. 2-е изд. Москва. http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/arbitrazhnyj_process_uchebnik_av_bsalyamov_db_abushenko_kl_branovickij_i_dr_otv_red_vv_yarkov.
- Афанасьев, Дмитрий В. 2009. “Обзор практики европейского суда по правам человека по вопросу злоупотребления правом на подачу жалобы”. *Законодательство* 6: 62–71. <https://elibrary.ru/item.asp?id=22595323>.
- Афанасьев, Сергей Ф. 1998. “Проблема истины в гражданском судопроизводстве”. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. <https://elibrary.ru/item.asp?id=15969633>.
- Бартошек, Милан. 1989. *Римское право: (Понятие, термины, определения)*. Москва: Юридическая литература. URL: <http://scienceoflaw.ru/books/item/f00/s00/z0000011/index.shtml>.
- Берестнев, Юрий Ю., Михаил В. Виноградов. 2006. “Практика Европейского Суда по правам человека: принцип правовой определенности или quod licet jovi, non licet bovi?” *Российская юстиция* 11: 64–69. <https://elibrary.ru/item.asp?id=9295313>.
- Боннер, Александр Т. 2009. *Проблемы установления истины в гражданском процессе: монография*. Санкт-Петербург: Юридическая книга. <https://elibrary.ru/item.asp?id=19801503>.
- Бугаевский, Александр А. 1909. “Ложь в гражданском суде”. *Право: еженедельная юридическая газета* 12.
- Гаджиев, Гадис А. 2011. “Закон “О Конституционном Суде РФ”: новеллы конституционного судопроизводства 2010 г.” *Журнал российского права* 10: 17–26. <https://elibrary.ru/item.asp?id=17346235>; <https://jrnprnoma.ru/issue/2011/10>.
- Гарапон, Антуан. 2005. *Хранитель обещаний: суд и демократия*. Москва: NOTA BENE. https://www.studmed.ru/view/garapon-a-hranitel-obeschaniy-sud-i-demokratiya_4fcb0193d8c.html.
- Гедда, Александр Н. 1910. “Недобросовестность сторон в гражданском процессе: Заметки из судебной практики”. *Журнал Министерства юстиции* 1: 1–28.
- Гражданское процессуальное уложение Германии*. 2006. <https://books.google.ru/books?id=TfwpoU6j9QgC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
- Гусейнов, Абдусалам А. 2008. “Что говорил Кант, или Почему невозможна ложь во благо?” *Логос* 5: 103–121. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23001351>.
- Дигесты Юстиниана*. 2008. Т. 1. Кн. I–IV. Пер. с лат. Л.Л. Кофанова, И.С. Перетерского (тит. 1–9). 2-е изд., исправ. Москва: Статут. <http://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=3300101001>.
- Дождев, Дмитрий В. 1996. *Добрая совесть (bona fide) как принцип правового общения. Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновления*. Отв. ред. В.С. Нерсисянц. Москва.
- Докучаева, Татьяна В. 1999. “Гражданско-процессуальная доктрина истины в России конца XIX–XX веков (Историко-правовое исследование)”. Дис. ... канд. юрид. наук. Москва. <https://elibrary.ru/item.asp?id=15977711>.
- Ефремова, Татьяна Ф. 2000. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва: Русский язык. <https://www.efremova.info>.
- Жалинский, Альфред Э., Алла А. Рерихт. 2001. *Введение в немецкое право*. Москва. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19785653>.
- Иоффе, Олимпиад С. 1958. *Советское гражданское право*. Ленинград: Изд-во ЛГУ. <https://naukaprava.ru/catalog/297/5561122/61169>.
- Жилин, Геннадий А. 2010. *Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы*. Москва: Проспект. <https://elibrary.ru/item.asp?id=22324904>.
- Ильин, Иван А. 2003. *Теория государства и права*. Москва: Зерцало. <https://scicenter.online/prava-gosudarstva-teoriya-scicenter/teoriya-prava-gosudarstva-izdanie-dopolnennoe.html>.
- Кант, Иммануил. 1980. *Трактаты и письма*. Москва: Наука. <http://philosophy.ru/library/traktaty-i-pisma>.

Карлявин, Иван Ю. 2015. “Методологическое значение категорий fides (совесть) и bonafides (добрая совесть) в римском частном праве”. *Lex Russica* 98(1): 130–140. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23021286>.

Клейнман, Александр Ф. 2009. *Обжалование и опротестование судебных решений и определений, не вступивших в законную силу*. Избранные труды. Краснодар: Совет. Кубань. <http://lawlibrary.ru/izdanie2126199.html>.

Коваленко, Алла Г. 2002. *Институт доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве*. Москва: Норма. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20010168>.

Корнев, Георгий П. 2006. *Идеонормативная концепция истины. Философия и применение*. Москва: Академический Проект. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42647792>.

Коциоль, Хельмут. 2013. “От обязательства на основании сделки к ответственности за утрату доверия”. *Вестник гражданского права* 5: 81–100. <https://wiselawyer.ru/poleznoe/65531-obyazatelstva-osnovanii-sdelki-otvetstvennosti-utratu-doveriya>.

Крыленко, Николай В. 1924. *Судоустройство РСФСР. Лекции по теории и истории судоустройства*. Москва. <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/56734-krylenko-n-v-sudoustroystvo-rsfsr-leksii-po-teorii-i-istorii-sudoustroystva-m-1923>.

Курьлев, Сергей В. 2012. *Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе. Избранные труды*. Минск: Редакция журнала “Промышленно-торговое право”. https://pravo.by/upload/pdf/izbrannye-trudy/kurilev_izbrannie_trudi.pdf.

Курьлев, Сергей В. 2012. *О принципах распределения обязанностей по доказыванию. Избранные труды*. Минск: Редакция журнала “Промышленно-торговое право”. https://pravo.by/upload/pdf/izbrannye-trudy/kurilev_izbrannie_trudi.pdf.

Курьлев, Сергей В. 2012. *Проблемы гражданского процессуального права. Избранные труды*. Минск: Редакция журнала “Промышленно-торговое право”. https://pravo.by/upload/pdf/izbrannye-trudy/kurilev_izbrannie_trudi.pdf.

Малинин, Михаил И. 1881. *Теория гражданского процесса*. Одесса: Тип. Зеленого. https://www.studmed.ru/malinin-m-i-teoriya-grazhdanskogo-processa_980b9a2cbd9.html.

Медведев, Иван Р. 2010. *Учение об объяснениях сторон в гражданском процессе*. Санкт-Петербург: Юридическая книга. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19830234>.

Молчанов, Валерий В. 2010. “Об ответственности в гражданском судопроизводстве”. *Арбитражный и гражданский процесс* 10: 28–31. <https://elibrary.ru/item.asp?id=15579976>.

Нам, Кирилл В. 2019. *Принцип добросовестности: развитие, система, проблема теории и практики*. Москва: Статут. URL: <https://www.statut-digital.ru/download.php?trid=1393>.

Новицкий, Иван Б. 2006. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права. *Вестник гражданского права* 1: 124–181. <https://www.mvgr.org/kopiya-1-2006-statya-5>.

Рикер, Поль. 2005. *Справедливое*. Москва. 259 с.

Рожкова, Марина А., Мария Е. Глазкова, Мария А. Савина. 2015. *Актуальные проблемы унификации гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства*. Под ред. М.А. Рожковой. Москва. <https://elibrary.ru/item.asp?id=24236116>

Розин, Николай Н. 1910. “Ложь в процессе”. *Право: Еженедельная юридическая газета* 48.

Розин, Николай Н. Октябрь 1910. “Процесс как юридическая наука”. *Журнал Министерства юстиции*.

Рубанов, Август А. 1997. “Понятие источника права как проявление метафоричности юридического сознания”. *Судебная практика как источник права*. Москва. <http://lawlibrary.ru/article1075655.html>.

Рязановский, Валентин А. 1996. *Единство процесса*. Москва: Юрид. бюро “Городец”. https://www.studmed.ru/ryazanovskiy-va-edinstvo-processa_21d9de03756.html.

Соловьев, Владимир С. 2005. *Категорический императив нравственности и права*. Москва: Прогресс-Традиция. <https://elibrary.ru/item.asp?id=20241916>.

Соловьев, Владимир С. 1914. *Право и нравственность. Очерки прикладной этики. Антология российской естественно-правовой мысли*. Санкт-Петербург: Просвещение. http://www.odinblago.ru/soloviev_8/2.

- Султанов, Айдар Р. 2017. *Борьба за правовую определенность или поиск справедливости*. Москва: М-Логос. <https://elibrary.ru/item.asp?id=45730237>.
- Султанов, Айдар Р. 2010. “Будущее системы защиты прав и свобод человека и Россия”. *Адвокатские вести* 3–4: 22–25. <https://www.iaaj.net/node/2276>.
- Султанов, Айдар Р. 2011. “Восстановление нарушенных прав и правовая определенность”. *Российская юстиция* 4: 58–61. <https://elibrary.ru/item.asp?id=16391026>.
- Султанов, Айдар Р. 2017. “Допрос свидетелей в налоговых спорах: замечания практика”. *Налоговед* 2: 56–65. <https://elibrary.ru/item.asp?id=28434291>.
- Султанов, Айдар Р. 2017. “Допрос свидетелей в налоговых спорах и должная правовая процедура”. *Налоги* 2: 23–27. <https://elibrary.ru/item.asp?id=28843908>.
- Султанов, Айдар Р. 2009. “Жажда правосудия или жажда справедливости”. *Евразийский юридический журнал* 11: 64–77. <https://elibrary.ru/item.asp?id=12967540>.
- Султанов, Айдар Р. 2019. “Как повысить уважение к суду, или пересмотр возможен”. *Актуальные проблемы теории и практики конституционного судопроизводства* 14: 210–217. <https://elibrary.ru/item.asp?id=38734447>.
- Султанов, Айдар Р. 2019. “Ложь и правовая определенность”. *Вестник Гуманитарного университета* 4(27): 154–159. <https://elibrary.ru/item.asp?id=42416184>.
- Султанов, Айдар Р. 2014. “Мотивированность судебного акта как одна из основных проблем справедливого правосудия”. *Закон* 8: 114–118. <https://elibrary.ru/item.asp?id=22308995>.
- Султанов, Айдар Р. 2019. “О возобновлении производства при выявлении новых доказательств, скрытых от суда другой стороной”. *Вестник гражданского процесса* 4: 236–249. <http://doi.org/10.24031/2226-0781-2019-9-4-236-249>.
- Султанов, Айдар Р. 2007. “О правах лиц, не участвующих в деле, и процессуальных сроках с точки зрения Конституции РФ”. *Адвокатская практика* 5: 17–22. <https://elibrary.ru/item.asp?id=11699934>.
- Султанов, Айдар Р. 2008. “О применении судами Постановлений Европейского суда по правам человека”. *Российский судья* 9: 42–46. <https://elibrary.ru/item.asp?id=11623617>.
- Султанов, Айдар Р. 2008. “О проблеме мотивированности судебных актов через призму постановлений Европейского суда по правам человека”. *Международное публичное и частное право* 2: 11–14. <https://elibrary.ru/item.asp?id=11576391>.
- Султанов, Айдар Р. 2008. “Об исполнении постановлений Европейского Суда по правам человека как средстве реализации конституционных ценностей”. *Международное публичное и частное право* 4: 15–18. <https://elibrary.ru/item.asp?id=11707171>.
- Султанов, Айдар Р. 2019. “О неконституционности толкования ст. 311 АПК РФ, не допускающего пересмотра при выявлении новых доказательств, скрытых от суда другой стороной”. *Вестник Гуманитарного университета* 2 (25): 52–61. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39132335>.
- Султанов, Айдар Р. 2008. “Пересмотр решений суда по вновь открывшимся обстоятельствам и res judicata”. *Журнал российского права* 11: 96–104. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16689662>.
- Султанов, Айдар Р. 2007. “Правовая определенность и антимонопольное законодательство”. *Арбитражная практика* 4: 59–65.
- Султанов, Айдар Р. 2007. “Правовая определенность в надзорном производстве ГПК РФ и практика Конституционного Суда РФ”. *Право и политика* 5: 30–39. <https://elibrary.ru/item.asp?id=9491989>.
- Султанов, Айдар Р. 2007. “Правовая определенность и справедливость, или “Юпитер, ты сердисься, значит, ты не прав”. *Закон* 9: 157–164. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9559335>.
- Султанов, Айдар Р. 2007. “Правовая определенность и судебное нормотворчество”. *Законодательство и экономика* 11: 39–45. <https://wiselawyer.ru/poleznoe/21456-pravovaya-opredelennost-sudebnoe-normotvorchestvo>.
- Султанов, Айдар Р. 2011. “Правовая определенность и уважение судебного решения, вступившего в законную силу, по делам об оспаривании действий государственных органов”. *Законодательство и экономика* 8. <https://www.iaaj.net/node/776>.

- Султанов, Айдар Р. 2018. “Правосудие не может быть немотивированным!” *Закон* 1: 46–58. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32407798>.
- Султанов, Айдар Р. 2009. “Сроки давности в антимонопольном праве”. *Корпоративный юрист* 7.
- Суханов, Евгений А. 2004. *Гражданское право: учебник*. В 2 т. Т. I. Москва. http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/sukhanov_ea_rossijskoe_grazhdanskoe_pravo_tom1.
- Терновский, Н.А. 2011. *Юридические основания достоверности доказательств*. Москва: Зерцало. <https://elibrary.ru/item.asp?id=20240272>.
- Терехин, Вячеслав А. 2015. “Право на ложь в суде как фактор дестабилизации правосудия”. *Наука. Общество. Государство*. 3: 36–44. <https://elibrary.ru/item.asp?id=36263639>.
- Терехова, Лидия А. 2017. *Новые и вновь открывшиеся обстоятельства в гражданском и административном судопроизводстве: монография*. Москва: Проспект. <https://elibrary.ru/item.asp?id=42856371>.
- Треушников, Михаил К. 2014. *Гражданский процесс: учебник для вузов*. Москва: Статут. <https://may.alleng.org/d/jur/jur006.htm>.
- Тютрюмов, Игорь М. 1925. *Гражданский процесс*. Москва: Юрьев. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002446721.
- Уткин, Григорий Н. 2008. “Идея правды в отечественной правовой мысли”. Авторефер. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. <https://www.dissercat.com/content/ideya-pravdy-v-otechestvennoi-pravovoi-mysli/read>.
- Фукуяма, Фрэнсис. 2004. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. Москва: АСТ. <http://yanko.lib.ru/books/cultur/fukuyama-doverie-a.htm>.
- Чельшев, Михаил Ю. 2009. “Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование”. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань. <https://elibrary.ru/item.asp?id=30337486>.
- Энгельман, Иван Е. 1904. *Учебник русского гражданского судопроизводства*. Москва: Юрьев. <https://library6.com/3596/item/780235>.
- Юдин, Андрей В. 2006. “Имеют ли стороны право на “ложь” в гражданском процессе?” *Российская юстиция* 6: 32–34. <https://elibrary.ru/item.asp?id=9230008>.
- Яблочков, Тихон М. 1915. *Судебное решение и спорное право*. Петроград. https://fasvvo.arbitr.ru/files/pdf/yablockov_sud_reshenie.pdf.
- Яковлев, Вениамин Ф. 2012. *Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Избранные труды*. Т. 2. Москва: Статут. https://www.studmed.ru/view/yakovlev-vf-grazhdansko-pravovoy-metod-regulirovaniya-obshchestvennyh-otnosheniy_cbce7c71e1.html.
- Яковлев, Вениамин Ф., Михаил К. Юков. 2003. *Комментарий к АПК РФ*. Москва.
- Ярков, Владимир В. 2011. *Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный)*. Под ред. В.В. Яркова. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: “Инфотропик Медиа”. <https://elibrary.ru/item.asp?id=19837510>; https://www.studmed.ru/yarkov-vv-kommentariy-k-arbitrazhnomu-processualnomu-kodeksu-rossijskoy-federacii-postateyny_u0de1e259885.html.
- Waldstein, Wolfgang. 1976. *Entscheidungsgrundlagen der klassischen romischen Juristen. Aufstieg und Niedergang der romischen Welt: Geschichte und Kultur Roms in Spiegel der neueren Forschung*. B. 15. Herausg. von Hildergard Temporini und Wolfgang Haase. Berlin; New York.

References

- Aranovskii, Konstantin V. 2003. “Axiology of truth in the Russian outlook and state law”. *Pravovedenie* 6: 185–193. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23222585>. (In Russian)
- Arbitration process: textbook*. 2003. Yarkov V.V. (Ed.). 2-nd edition. Moscow. http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/arbitrazhnyj_process_uchebnik_av_bsalyamov_db_abushenko_kl_branovickij_i_dr_otv_red_vv_yarkov. (In Russian)
- Afanasyev, Dmitry V. 2009. “Review of the practice of the European Court of Human Rights in the issue of abuse of the right of appeal”. *Zakonodatel'stvo* 6: 62–71. <https://elibrary.ru/item.asp?id=22595323>. (In Russian)

- Afanasyev, Sergei F. 1998. "The problem of truth in civil proceedings". PhD Dis. Saratov. <https://elibrary.ru/item.asp?id=15969633>. (In Russian)
- Bartoshek, Milan. 1989. *Roman Law: (Concept, terms, definitions)*. Moscow: Iuridicheskaja literatura. <http://scienceoflaw.ru/books/item/f00/s00/z0000011/index.shtml>. (In Russian)
- Berestnev, Yury Yu., Mikhail V. Vinogradov, 2006. "The European Court of Human Rights and its jurisprudence: the legal certainty or quod licet jovi, non licet bovi?" *Rossiiskaia iustitsiia* 11: 64–69. <https://elibrary.ru/item.asp?id=9295313>. (In Russian)
- Bonner, Alexander T. 2009. *Issues of ascertaining the truth in a civil procedure: monograph*. Saint Petersburg: Iuridicheskaja kniga. <https://elibrary.ru/item.asp?id=19801503>. (In Russian)
- Bugaevskii, Alexander A. 1909. "Lies in a civil court". *Pravo: ezhenedel'naia iuridicheskaja gazeta* 12. https://www.studmed.ru/bugaevskiy-a-lozh-v-grazhdanskom-sude_9c30382754b.html (In Russian)
- Chelyshev, Mikhail Iu. 2009. "The system of intersectoral relations of civil law: a civilistic study". PhD abstract. Kazan. <https://elibrary.ru/item.asp?id=30337486>. (In Russian)
- Digests of Justinian*. 2008. Vol. 1. Book I–IV. 2nd edition, revised. Translation from Latin by L.L. Kofanov, I.S. Peretersky (tit. 1–9). Moscow: Statut. Available at: <http://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=3300101001>. (In Russian)
- Dozhdev, Dmitrii V. 1996. *Good conscience (bonafide) as a principle of legal communication. Problems of the value approach in law: traditions and updates*. Ed. V.S. Nersesiants. Moscow. (In Russian)
- Dokuchaeva, Tat'iana V. 1999. "The civil procedure doctrine of truth in Russia at the end of the XIX-XX centuries (Historical and legal research)". PhD abstract. Moscow. <https://elibrary.ru/item.asp?id=15977711>. (In Russian)
- Efremova, Tat'iana F. 2000. *A new dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formation*. Moscow: Russkii iazyk, <https://www.efremova.info/>. (In Russian)
- Engelman, Ivan E. 1904. *Textbook of Russian civil procedure*. Moscow: Iur'ev. <https://library6.com/3596/item/780235>. (In Russian)
- Fukuyama, Francis 2004. *TRUST: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. Moscow: AST. <http://yanko.lib.ru/books/cultur/fukuyama-doverie-a.htm> (In Russian)
- Hajiyev, Gadis A. 2011. "Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation": Novels of Constitutional Court Proceedings 2010". *Journal of Russian Law* 10: 17–26. <https://elibrary.ru/item.asp?id=17346235>; <https://jrnorma.ru/issue/2011/10>. (In Russian)
- Garapon, Antoine. 2005. *The keeper of promises: the court and democracy*. Moscow: NOTA BENE. https://www.studmed.ru/view/garapon-a-hranitel-obeschaniy-sud-i-demokratiya_4fcb0193d8c.html. (In Russian)
- Gedda, Alexander N. 1910. "Dishonesty of the parties in civil proceedings: Notes from judicial practice". *Zhurnal Ministerstva iustitsii* 1: 1–28. (In Russian)
- German Civil Procedure Code*. 2006. <https://books.google.ru/books?id=TfwpoU6j9QgC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (In Russian)
- Guseinov, Abdusalam A. 2008. "What did Kant say, or why is it impossible to lie for the good?". *Logos* 5: 103–121. <https://elibrary.ru/item.asp?id=23001351>. (In Russian)
- Iablochkov, Tikhon M. 1915. *A court decision and a disputed right*. Petrograd. https://fasvvo.arbitr.ru/files/pdf/yablochkov_sud_reshenie.pdf. (In Russian)
- Iakovlev, Veniamin F. 2012. *Civil-legal method of regulating public relations. Selected works*. Vol. 2. Moscow: Statut. https://www.studmed.ru/view/yakovlev-vf-grazhdansko-pravovoy-metod-regulirovaniya-obschestvennyh-otnosheniy_cbcce7c71e1.html. (In Russian)
- Iakovlev, Veniamin F., Mikhail K. Iukov. 2003. *Commentary to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation*. Moscow. (In Russian)
- Iarkov, Vladimir V. 2011. *Commentary to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article)*. Ed. V.V. Yarkov. 3rd edition, revised and enlarged. Moscow: Infotropik Media. <https://elibrary.ru/item.asp?id=19837510>; https://www.studmed.ru/yarkov-vv-kommentariy-k-arbitrazhnomu-processualnomu-kodeksu-rossiyskoy-federacii-postateynny_0de1e259885.html. (In Russian)

- Ioffe, Olimpiad S. 1958. *Soviet civil law*. Leningrad: Izd-vo LGU. <https://naukaprava.ru/catalog/297/5561122/61169>. (In Russian)
- Il'in, Ivan A. 2003. *Theory of state and law*. Moscow: Zertsalo. <https://scicenter.online/prava-gosudarstva-teoriya-scicenter/teoriya-prava-gosudarstva-izdanie-dopolnennoe.html>. (In Russian)
- Yudin, Andrey V. 2006. “Do the parties enjoy the right “to lie” in the civil court hearings”. *Rossiiskaia iustitsiia* 6: 32–34. <https://elibrary.ru/item.asp?id=9230008>. (In Russian)
- Kant, Immanuel. 1980. *Treatises and letters*. Moscow: Nauka. <http://philosophy.ru/library/traktaty-i-pisma>. (In Russian)
- Karlyavin, Ivan Yu. 2015. “Methodological significance of the categories fides (conscience) and bonafides (good conscience) in the Roman private law”. *Lex Russica* 98(1): 130–140. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23021286>. (In Russian)
- Kleinman, Alexander F. 2009. *Appeal and appeal against court decisions and rulings that have not entered into legal force*. Selected works. Krasnodar: Sovet. Kuban'. <http://lawlibrary.ru/izdanie2126199.html>. (In Russian)
- Kornev, Georgii P. 2006. *The idea of normative the concept of truth. Philosophy and law enforcement*. Moscow: Akademicheskii Proekt. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42647792>. (In Russian)
- Koziol, Helmut. 2013. “From an obligation based on a transaction to liability for loss of trust”. *Civil Law Review* 13(5): 81–100. <https://wiselawyer.ru/poleznoe/65531-obyazatelstva-osnovanii-sdelki-otvetstvennosti-utratu-doveriya>. (In Russian)
- Kovalenko, Alla G. 2002. *Institute of evidence in civil and arbitration proceedings*. Moscow: Norma. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20010168>. (In Russian)
- Krylenko, Nikolai V. 1924. *The judicial system of RSFSR. Lectures on the theory and history of the judicial system*. Moscow. <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/56734-krylenko-n-v-sudoustroystvo-rsfsr-lektsii-po-teorii-i-istorii-sudoustroystva-m-1923>. (In Russian)
- Kurylev, Sergei V. 2012. *Explanations of the parties as evidence in the Soviet civil trial. Selected works*. Minsk: Redaktsiia zhurnala “Promyshlenno-torgovoe pravo”. https://pravo.by/upload/pdf/izbrannye-trudy/kurilev_izbrannie_trudi.pdf. (In Russian)
- Kurylev, Sergei V. 2012. *On the principles of the distribution of evidentiary duties. Selected works*. Minsk: Redaktsiia zhurnala “Promyshlenno-torgovoe pravo”. https://pravo.by/upload/pdf/izbrannye-trudy/kurilev_izbrannie_trudi.pdf. (In Russian)
- Kurylev, Sergei V. 2012. *Problems of civil procedural law. Selected works*. Minsk: Redaktsiia zhurnala “Promyshlenno-torgovoe pravo”. https://pravo.by/upload/pdf/izbrannye-trudy/kurilev_izbrannie_trudi.pdf. (In Russian)
- Malinin, Mikhail I. 1881. *Theory of civil procedure*. Odessa: tip. Zelenogo. https://www.studmed.ru/malinin-m-i-teoriya-grazhdanskogo-processa_980b9a2cbd9.html. (In Russian)
- Medvedev, Ivan R. 2010. *The doctrine of the explanations of the parties in the civil process*. Saint Petersburg: Iuridicheskaiia kniga. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19830234>. (In Russian)
- Molchanov, Valeriy V. 2010. “Responsibility under civil procedure”. *Arbitrazh and Civil Procedure* 10: 28–31. <https://elibrary.ru/item.asp?id=15579976>. (In Russian)
- Nam, Kirill V. 2019. *The principle of good faith: development, system, problem of theory and practice*. Moscow: Statut. <https://www.statut-digital.ru/download.php?trid=1393>. (In Russian)
- Novitskii, Ivan B. 2006. Principle of good conscience in the draft of liability law. *Vestnik grazhdanskogo prava*. 1: 124–181. <https://www.mvvp.org/kopiya-1-2006-statya-5>. (In Russian)
- Ryazanovskii, Valentin A. 1996. *Unity of the process*. Moscow: Iurid. biuro “Gorodets”. https://www.studmed.ru/ryazanovskiy-va-edinstvo-processa_21d9de03756.html. (In Russian)
- Ricoeur, Paul. 2005. *The Just*. Moscow: 259 p. <http://library.khpg.org/files/docs/1430423041.doc>.
- Rozhkova, Marina A., Mariia E. Glazkova, Mariia A. Savina. 2015. *Actual problems of unification of civil procedural and arbitration procedural legislation*. Moscow. <https://elibrary.ru/item.asp?id=24236116>. (In Russian)
- Rozin, Nikolai N. 1910. “Lying in the process”. *Pravo: ezhenedel'naia iuridicheskaiia gazeta* 48. <https://ru.djvu.online/file/53cZCQP4eOODp>. (In Russian)

- Rozin, Nikolai N. October 1910. "The process as a legal science". *Zhurnal Ministerstva Iustitsii*. (In Russian)
- Rubanov, Avgust A. 1997. "The concept of the source of law as a manifestation of the metaphorical nature of legal consciousness". *Sudebnaia praktika kak istochnik prava*. Moscow. <http://lawlibrary.ru/article1075655.html>. (In Russian)
- Solov'ev, Vladimir S. 2005. *The categorical imperative of morality and law*. Moscow: Progress-Traditsiia. <https://elibrary.ru/item.asp?id=20241916>. (In Russian)
- Solov'ev, Vladimir S. 1914. *Law and morality. Essays on Applied Ethics. Anthology of Russian Natural Law Thought*. Saint Petersburg: Prosveshchenie. http://www.odinblago.ru/soloviev_8/2. (In Russian)
- Sukhanov, Evgenii A. 2004. *Civil law: textbook*. In 2 vols. Vol. I. Moscow. http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/sukhanov_ea_rossijskoe_grazhdanskoe_pravo_tom1 (In Russian)
- Sultanov, Aidar R. 2017. *The struggle for legal certainty or the search for justice*. Moscow: M-Logos. <https://elibrary.ru/item.asp?id=45730237>. (In Russian)
- Sultanov, Aidar R. 2010. "The future of the system of protection of human rights and freedoms and Russia". *Advokatskie vesti* 3–4: 22–25. <https://www.iuaj.net/node/2276>. (In Russian)
- Sultanov, Aidar R. 2011. "Restoration of violated rights and legal certainty". *Rossiiskaia iustitsiia* 4: 58–61. <https://elibrary.ru/item.asp?id=16391026>. (In Russian)
- Sultanov, Aidar R. 2017. "Interrogating witnesses in tax disputes: a practitioner's observations". *Nalogoved* 2: 56–65. <https://elibrary.ru/item.asp?id=28434291>. (In Russian)
- Sultanov, Aidar R. 2017. "Inquiry of witnesses in tax disputes, and due legal process". *Taxes (Journal)* 2: 23–27. <https://elibrary.ru/item.asp?id=28843908>. (In Russian)
- Sultanov, Aidar R. 2009. "Thirst of justice or thirst of validity". *Eurasian Law Journal* 11: 64–77. <https://elibrary.ru/item.asp?id=12967540>. (In Russian)
- Sultanov, Aidar R. 2019. "How to increase respect for the court, or review is possible". *Aktual'nye problemy teorii i praktiki konstitutsionnogo sudoproizvodstva* 14: 210–217. <https://elibrary.ru/item.asp?id=38734447>. (In Russian)
- Sultanov, Aidar R. 2019. "A lie, and legal certainty". *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = The Review of the Liberal Arts University* 4 (27): 154–159. <https://elibrary.ru/item.asp?id=42416184>. (In Russian)
- Sultanov, Aidar R. 2014. "The motivation of the judicial act as one of the main problems of fair justice". *Zakon* 8: 114–118. <https://elibrary.ru/item.asp?id=22308995>. (In Russian)
- Sultanov, Aidar R. 2019. "On the resumption of proceedings when new evidence hidden by the party is revealed". *Herald of Civil Procedure* 4: 236–249. <http://doi.org/10.24031/2226-0781-2019-9-4-236-249>. (In Russian)
- Sultanov, Aidar R. 2007. "On the rights of persons not participating in the case, and procedural terms from the point of view of the Constitution of the Russian Federation". *Advocate's Practice* 5: 17–22. <https://elibrary.ru/item.asp?id=11699934>. (In Russian)
- Sultanov, Aidar R. 2008. "On the application by the courts of the Decisions of the European Court of Human Rights". *Russian Judge* 9: 42–46. <https://elibrary.ru/item.asp?id=11623617>. (In Russian)
- Sultanov, Aidar R. 2008. "On the problem of motivation of judicial acts through the prism of judgments of the European Court of Human Rights". *Public International and Private International Law* 2: 11–14. <https://elibrary.ru/item.asp?id=11576391>. (In Russian)
- Sultanov, Aidar R. 2008. "On the implementation of the decisions of the European Court of Human Rights as a means of implementing constitutional values". *Public International and Private International Law* 4: 15–18. <https://elibrary.ru/item.asp?id=11707171>. (In Russian)
- Sultanov, Aidar R. 2019. "On unconstitutionality of Article 311 of the Arbitration and Procedural Code of the RF not allowing for the renewal in the light of new evidence hidden from the court by the other party". *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = The Review of the Liberal Arts University* 2 (25): 52–61. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39132335>. (In Russian)
- Sultanov, Aidar R. 2008. "Review of court decisions on newly discovered circumstances and resjudicata". *Journal of Russian Law* 11(143): 96–104. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16689662>. (In Russian)
- Sultanov, Aidar R. 2007. "Legal certainty and antimonopoly legislation". *Arbitrazhnaia praktika* 4: 59–65. (In Russian)

Sultanov, Aidar R. 2007. "Legal stability in the review system of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation". *Law and Politics* 5: 30–39. <https://elibrary.ru/item.asp?id=9491989>. (In Russian)

Sultanov, Aidar R. 2007. "Legal certainty and justice, or "Jupiter, you are angry, so you are wrong". *Zakon* 9: 157–164. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9559335>. (In Russian)

Sultanov, Aidar R. 2007. "Legal certainty and judicial rulemaking". *Zakonodatel'stvo i ekonomika* 11: 39–45. <https://wiselawyer.ru/poleznoe/21456-pravovaya-opredelennost-sudebnoe-normotvorchestvo>. (In Russian)

Sultanov, Aidar R. 2011. "Legal certainty and respect for a court decision that has entered into legal force with regard to cases of challenging the actions of state bodies". *Zakonodatel'stvo i ekonomika* 8. <https://www.iuaj.net/node/776>. (In Russian)

Sultanov, Aidar R. 2018. "Justice can not be unmotivated!" *Zakon* 1: 46–58. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32407798>. (In Russian)

Sultanov, Aidar R. 2009. "Limitation periods in antimonopoly law". *Korporativnyi iurist* 7. https://zakon.ru/LibraryHome/DownloadPub?_id=2845. (In Russian)

Terekhin, Viktor A. 2015. "The right to lie to the court as a factor of destabilization". *Science. Society. State* 3: 36–44. <https://elibrary.ru/item.asp?id=36263639>. (In Russian)

Terekhova, Lidiia A. 2017. *New and newly discovered circumstances in civil and administrative proceedings: monograph*. Moscow: Prospekt. <https://elibrary.ru/item.asp?id=42856371>. (In Russian)

Ternovskii, N.A. 2011. *Legal grounds for the reliability of evidence*. Moscow: Zertsalo. <https://elibrary.ru/item.asp?id=20240272>. (In Russian)

Tiutriumov, Igor' M. 1925. *Civil procedure*. Moscow: Iur'ev. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002446721. (In Russian)

Treushnikov, Mikhail K. 2014. *Civil procedure: textbook for universities*. Moscow: Statut. <https://may.alleng.org/d/jur/jur006.htm>. (In Russian)

Utkin, Grigorii N. 2008. "The idea of truth in the domestic legal thought". PhD abstract. Moscow. <https://www.dissercat.com/content/ideya-pravdy-v-otechestvennoi-pravovoi-mysli/read>. (In Russian)

Waldstein, Wolfgang. 1976. *Entscheidungsgrundlagen der klassischen römischen Juristen. Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms in Spiegel der neueren Forschung*. B. 15. Herausg. von Hildergard Temporini und Wolfgang Haase. Berlin; New York.

Zhalinskii, Alfred E., Alla A. Rerikht. 2001. *Introduction to German legis*. Moscow. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19785653>. (In Russian)

Zhilin, Gennadii A. 2010. *Justice in civil cases: topical issues*. Moscow: Prospekt. <https://elibrary.ru/item.asp?id=22324904>. (In Russian)